

CHARACTERISTICS OF XENOPHOBIC SENTIMENTS OF ASTRAKHAN CITY POPULATION

Alexandr V. Grigorev

Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia

E-mail: proeu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8228-7062>

Daria A. Samchuk

Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia

E-mail: wanderer97@inbox.ru

ABSTRACT

The article concerns the study of the current state of xenophobia in Astrakhan. For this purpose, the online survey method was used. The results of the study allow the authors to come to an optimistic conclusion: in general attitudes of Astrakhan residents towards the social communities studied (migrants, representatives of other nationalities, representatives of other religions, as well as people of non-traditional sexual orientation) is quite tolerant. The distance is somewhat lower in relation to representatives of other nationalities and religions; higher – to migrants and people of non-traditional sexual orientation. The predicted influence on the level of xenophobia was exerted by the education and nationality of the respondents, while among people of different ages and gender, xenophobic sentiments are almost the same.

KEYWORDS

xenophobia; ethnic tension; migrantophobia; ethnophobia; religious xenophobia; xenophobic sentiments of the population of the city of Astrakhan.

ХАРАКТЕРИСТИКА КСЕНОФОБСКИХ НАСТРОЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА АСТРАХАНИ

Григорьев Александр Владимирович

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Россия

E-mail: proeu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8228-7062>

Самчук Дарья Александровна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Россия

E-mail: wanderer97@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию актуального состояния проблемы ксенофобии в г. Астрахани. С этой целью был использован метод онлайн анкетирования. Результаты исследования позволяют прийти к оптимистичному выводу о том, что в целом отношение астраханцев к исследованным социальным общностям (мигранты, представители иных национальностей, представители иных религий, а также лица нетрадиционной сексуальной ориентации) достаточно терпимое. Несколько ниже дистанция по отношению к представителям иной национальности и религии; выше – к мигрантам и лицам нетрадиционной сексуальной ориентации. Прогнозируемое влияние на уровень ксенофобии оказало образование и национальность респондентов, в то время как среди лиц различного возраста и пола ксенофобские настроения почти не отличаются.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ксенофобия; межнациональная напряженность; мигрантофобия; этнофобия; религиозная ксенофобия; ксенофобские настроения населения города Астрахани.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современное российское общество сталкивается с рядом социальных проблем, которые оказывают негативное влияние на его развитие и стабильность. Одной из таких проблем являются ксенофобские настроения, которые проявляются в форме неприязни, предубежденности и враждебности по отношению ко всему чужому, незнакомому, иностранному.

Многолетние исследования ксенофобии, расизма и антисемитизма, проводимые сотрудниками Левада-Центра¹ с 1989 года, свидетельствуют об устойчивости этнонациональных и расовых предрассудков, характерных для большинства российского населения. Высокая тревожность, социальная незащищенность в повседневной жизни, комплексы коллективной неполноценности, ресентимент и опыт привычного насилия со стороны власти «снимается» и находит свое превращенное выражение в негативных проекциях россиян на воображаемых этнических или расовых «других», наделяемых общими, не индивидуализируемыми свойствами «чужести», «опасности», «враждебности» и иррациональной силы. Стремление защититься от их «влияния» или «экспансии», угрозы для образа жизни россиян, материальных интересов или утраты культуры этнического большинства России в той или иной форме характерны в среднем для 55-65% населения (в моменты кризисов и повышения ксенофобских переживаний), в периоды относительного благополучия, как показывают исследования эти показатели могут снижаться до 40-45% (Ксенофобия и мигранты...web). Но так или иначе латентные, пассивные формы ксенофобии и расизма являются доминирующими реакциями на вероятность появления «других», «чужих» в сферах повседневного жизни россиян (трудовой миграции, усиления горизонтальной мобильности населения, в том числе — и жителей российских регионов). Особенно важной проблема нетерпимости к «другому» становится в период внешнеполитических вызовов, когда необходимым становится общественное сплочение. Ксенофобия же разъедает общественные связи, становится препятствием на пути к интеграции частей общества. Настоящая статья будет посвящена исследованию актуального состояния проблемы ксенофобии в Астраханском регионе.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова ксенофобия (от греч. «xenos» – чужой и «phobia» – страх или неприязнь) может иметь два толкования: «болезненный, навязчивый страх перед незнакомыми лицами» или «ненависть, нетерпимость к чему-нибудь чужому, незнакомому, иностранному» (Толковый словарь Ожегова...web). Данный термин активно используется в политологии, публицистике, правозащитной литературе. В целом ксенофобия – это сложный, комплексный, многоуровневый феномен, в основе которого лежит множество

¹ «Левада-центр» внесен Минюстом в реестр организаций, выполняющих функцию иностранного агента

факторов – психологических, социально-политических, исторических. Ксенофобия по своей природе иррациональна, часто основывается на мифах и стереотипах. Легитимация этого предвзятого отношения происходит через моральные, институциональные и культурные нормы общества. В ксенофобии «Другой» рассматривается как носитель негативных характеристик и стереотипов. В то же время ксеноцентризм, наоборот, утверждает положительные черты «Другого».

Исследование проблемы ксенофобии может осуществляться с разных теоретико-методологических позиций. Профессор Дж. Краш, исследуя рост антииммигрантских настроений и насилия в Индии и Южной Африке, определяет ксенофобию как «социальное и политическое явление, способствующее изоляции и/или исключению меньшинств при помощи социальных и национальных механизмов». Он подчеркивает, что ксенофобия не ограничивается только мигрантами, но распространяется и на другие меньшинства и маргинальные группы, способствуя формированию новых дискриминационных практик (Crush & Ramachandran, 2010, p. 209).

Исследователь А.Г. Осипов говорит о том, что в России часто используется термин «ксенофобия» при обсуждении этнических проблем, в то время как на Западе активно используется термин «расизм». Он также указывает на необходимость изучения этнических категоризаций и их влияния на поведение людей (Осипов, 2009, с. 137). Ф. Барт считает, что этнические границы возникают из социальных процессов включения и исключения, где одни различия становятся значимыми, а другие игнорируются. Он также говорит о возможности изменения этнических границ, если категоризация становится неприемлемой, и о наличии меньшинств, у которых есть разрыв между ценностями и возможностями (Барт, 2006, с. 13).

В контексте исследования ксенофобии полезными также являются теоретические наработки социологов в области аномии и девиантного поведения. Э. Дюркгейм, разработавший социологические теории аномии и девиации, утверждает, что установки меньшинства, исходящие из норм и ценностей общества, несовместимы с наблюдаемой реальностью. В продолжение его идей, Р. Мертон, в свою очередь, акцентирует роль социальных структур и неравенства в формировании «аномальных» установок. Оба подхода расширяют наше понимание социальных девиаций и помогают объяснить, почему некоторые индивиды отклоняются от обычного социального поведения. Нарушение установленных норм и ценностей общества создает ощущение неопределенности и незащитности, что снижает ощущение единства и взаимопонимания в обществе. При этом отсутствие адекватных средств достижения общественных целей часто приводит к протесту и неконструктивным формам поведения, которые отличаются от принятых норм и стандартов, и в том числе ведут к развитию ксенофобии (Мертон, 1966, с. 299).

Исследование проблемы ксенофобии невозможно без методологического подхода, изучающего природу установок предубеждения. Социально-психологический акцент в изучении ксенофобских установок, природы формирования предубеждений и стереотипов, а также условий, необходимых для управления негативным восприятием, представлен в работах Г. Оллпорта (Allport,

1935, p. 798), а также в исследованиях Т. Петтигрю (Pettigrew, 1979, p. 461), посвященных «теории контакта». Среди отечественных исследователей межэтническая напряженность, формирование этнических (этнофобных) образов и их влияние на поведение этнических групп исследовались Г. У. Солдатовой (Солдатова, 1998, с. 5).

Таким образом, учитывая сохраняющуюся терминологическую неопределенность концепта «ксенофобии», для дальнейшего анализа в качестве рабочего определения под ксенофобией будет пониматься форма неприязни и предубеждений к представителям этнических (национальных), религиозных и других групп, определяемая социальными условиями и процессами, которая функционирует как на уровне обыденных массовых настроений, так и на уровне социальных институтов.

МЕТОДОЛОГИЯ

Настоящее исследование опирается прежде всего на количественную методологию. С целью охарактеризовать проявления ксенофобии в городе Астрахани был проведен количественный опрос методом он-лайн анкетирования. Были опрошены жители г. Астрахани в возрасте от 18 лет. Объем выборочной совокупности составил 300 человек. Респонденты отбирались целевым методом отбора, обеспечивающим равное необходимое количество единиц для проведения сравнений по возрастным группам. Итоговое распределение представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение опрошенных по возрасту

№	Наименование характеристики	Количество респондентов
1	18-24 года	75
2	25-39 лет	75
3	40-54 года	75
4	55 лет и старше	75
5	Всего	300

Учитывая, что некоторые выводы исследования делались на основе пола и образования респондентов, приведем распределение по данным параметрам: мужчин было опрошено 40%, женщин – 60%. Лиц со средним образованием 17%, со среднеспециальным – 29%, с незаконченным высшим – 21%, с высшим – 33%.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе исследования мы выявили отношение респондентов к социальным общностям, чаще всего подвергаемых ксенофобии (Пипия, 2017, с.100; Дубин, 2014, с. 7). Исходя из данных предыдущих исследований это прежде всего мигранты, представители иных национальностей, представители иных религий, а также лица нетрадиционной сексуальной ориентации. Для этого сначала мы задали вопрос о

том, кого из перечисленных персонажей Вы бы ни в коем случае не хотели видеть в качестве соседа по лестничной площадке. Ответы представлены в таблице 2.

Таблица 2. Представления о нежелательных соседях по лестничной клетке (многовариантный вопрос)

Скажите, кого из перечисленных персонажей Вы бы ни в коем случае не хотели видеть в качестве соседа по лестничной площадке?	
Вариант ответа	%
Алкоголик, пьяница	80
Заядлый курильщик	40,7
Оппозиционер, участник протестных акций	20
Представитель неформальной субкультуры	19,3
Человек строгих правил, блюститель порядка	18,6
Человек, строго соблюдающий религиозные традиции, обряды	17,2
Представитель нетрадиционной сексуальной ориентации	17,2
Мигрант	16,6
Активный сторонник политических партий, течений	13,8
Представитель нетрадиционных религий	13,1
Представитель другой национальности	10,3
Представитель другой (отличной) религии, вероисповедания	6,9
Иностранец	4,8
Нищий, бедный человек	4,8
Другое	4,1
Богатый человек	3,4
Затрудняюсь ответить	2,1

Интерес вызывают результаты, которые свидетельствуют о том, что социальные общности, к которым традиционно фиксируется неприязнь (за исключением алкоголиков и курильщиков) оказались «ближе» опрошенным, чем представители субкультур, и что особенно интересно – оппозиционеры, участники акций протеста. Впоследствии мы измерили социальную дистанцию к этим общностям по шкале от 1 до 7, где 1 означает самую короткую дистанцию - «Готов(а) видеть их среди членов семьи», а 7 – самую большую «Не пускал(а) бы их в Россию». Далее мы вычислили среднее значение дистанции и получили следующие результаты:

Таблица 3. Социальная дистанция к общностям чаще всего подвергаемых ксенофобии (среднее значение)

Представители других национальностей	Представители других вероисповеданий	Представители другой сексуальной ориентации	Мигранты
2,79	2,72	3,64	3,95

В целом стоит сказать, что опрошенные достаточно толерантно относятся к изученным социальным общностям, так как социальная дистанция не превышает 4 баллов из 7. Лучше всего респонденты относятся к представителям других религий

(дистанция 2,72 балла), наибольшая же дистанция по отношению к мигрантам (почти 4 балла).

Похожие значения мы можем наблюдать и в ответах на вопрос об отношении с симпатией или недоверием к указанным общностям. Для этого мы измерили отношение по шкале от 1 до 4, где 1 означает что респондент относится - «С симпатией, интересом», а 4 – «С недоверием, страхом». Далее мы вычислили среднее значение и выяснили, что хуже всего относятся к мигрантам (2,31 балла), а лучше всего – к другим национальностям (1,93 балла). Однако, в общей сложности, все средние значения приближены к диапазону «Спокойно, без особых чувств».

Благодаря тому, что ответы в двух вопросах о социальной дистанции и отношения к вышеперечисленным общностям, располагаются от лучшего к худшему, то можно было сложить эти ответы и получить индекс, где высокое значение ответов по шкале демонстрирует высокий индекс ксенофобии, а низкое значение – низкий уровень ксенофобии. Используя индекс, мы определили взаимосвязь социально-демографических характеристик опрошенных (пол, возраст, образование) и вычисленного индекса. Для этого был использован коэффициент корреляции Спирмена. Проведенный анализ показал, что что уровень ксенофобии не зависит от пола и возраста (не считая взаимосвязи с гомофобией: чем старше респонденты, тем выше индекс ксенофобии по отношению к представителям нетрадиционной сексуальной ориентации), однако сильно отличается по уровню образования и национальности (здесь мы перекодировали национальность респондентов в номинальную дихотомическую шкалу со значениями «русская национальность» и «иная национальность»). По полученным данным уровень образования напрямую влияет на уровень религиозной ксенофобии и этнофобии (чем выше уровень образования, тем ниже индекс), но не влияет на нетерпимость к людям другой сексуальной ориентации и мигрантам. Говоря о различиях в отношении к «другим» в зависимости от национальности опрошенных, вполне прогнозируемо среди опрошенных иной национальности чаще встречаются респонденты с низким индексом ксенофобии к мигрантам, общностям с другой национальностью и вероисповеданием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом в статье дана характеристика ксенофобии жителей города Астрахани по отношению к мигрантам, представителям иных национальностей, иных религий, а также лицам нетрадиционной сексуальной ориентации. Исходя из полученных данных, можно прийти к выводу о том, что в целом отношение астраханцев к этим социальным общностям достаточно терпимое: несколько ниже дистанция по отношению к представителям иной национальности и религии; выше – к мигрантам и лицам нетрадиционной сексуальной ориентации. Прогнозируемое влияние на уровень ксенофобии оказало образование и национальность респондентов, в то время как среди лиц различного возраста и пола ксенофобские настроения почти не отличаются. Более высокий уровень ксенофобии среди

опрошенных русской национальности может свидетельствовать о латентном напряжении в межнациональном и межрелигиозном взаимодействии, которое на данный момент не переходит в открытую фазу, однако является потенциальным конфликтогенным фактором, требующим постоянного мониторинга. Нового осмысления и прежде всего более глубокого изучения также требует зафиксированная достаточно высокая социальная дистанция по отношению к оппозиционно настроенным представителям российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт, Ф. (2006). *Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий*. Москва: Новое издательство, 200 с.
- Дубин, Б.В. (2014). «Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян. *Pro et Contra*, 1-2, 6-18.
- Ксенофобия и мигранты (2022). Получено из: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/>
- Мертон, Р. (1966). Социальная структура и аномия. *Социология преступности (Современные буржуазные теории)*. Москва: Прогресс, 368 с.
- Осипов, А.Г. (2009). Нужно ли глотать сомнительное лекарство? Антирасизм как средство борьбы с расизмом. *Неприкосновенный запас*, 1(63), 137-146.
- Пипия, К.Д. (2017). *Ксенофобские настроения в российском общественном мнении и пути их предотвращения*. Дисс. на соискание уч. ст. канд. соц. наук. Москва, 255 с.
- Солдатова, Г.У. (1998). *Психология межэтнической напряженности*. Москва: Смысл, 389 с.
- Толковый словарь Ожегова онлайн. Получено из: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12552>
- Allport, G. (1935). *Attitudes. A handbook of social psychology* (Ed. C. Murchison) Worcester. Mass.: Clark Univ. Press, 1195 p.
- Crush, J. & Ramachandran, S. (2010). *Xenophobia, International Migration and Human Development*. New York: United Nations Development Programme, 104 p.
- Pettigrew, T.F. (1979). The ultimate attribution error: Extending Allport's cognitive analysis of prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 5(4), 461-476.

Для цитирования: Григорьев А.В., Самчук Д.А. (2024). Характеристика ксенофобских настроений населения города Астрахани. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 4(1), 61-69.

DOI:

REFERENCES

- Bart, F. (2006). *Ethnic groups and social boundaries: The social organization of cultural difference*. Moscow: New publishing house, 200 p. (in Russian)
- Dubin, B.V. (2014). “Alien” nationalisms and “our own” xenophobia of yesterday’s and today’s Russians. *Pro et Contra*, 1-2, 6-18. (in Russian)
- Xenophobia and migrants (2022) Retrieved from <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> (in Russian)
- Merton, R. (1966). Social structure and anomie. *The sociology of crime (Modern bourgeois theories)*. Moscow: Progress, 368 p. (in Russian)
- Osipov, A.G. (2009). Should you swallow a questionable medicine? Antiracism as a means of combating racism. *An emergency reserve*, 1(63), 137-146. (in Russian)
- Pipia, K.D. (2017). *Xenophobic sentiments in Russian public opinion and ways of its prevention*. Dissertation for the degree of PhD of Sociology. Moscow, 255 p. (in Russian)
- Soldatova, G.U. (1998). *Psychology of interethnic tension*. Moscow: Meaning, 389 p. (in Russian)
- Ozhegov’s explanatory dictionary online. Retrieved from <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12552> (In Russian)
- Allport, G. (1935). Attitudes. *A handbook of social psychology* (Ed. C. Murchison) Worcester. Mass.: Clark Umv. Press, 1195 p.
- Crush, J. & Ramachandran, S. (2010). *Xenophobia, International Migration and Human Development*. New York: United Nations Development Programme, 104 p.
- Pettigrew, T.F. (1979). The ultimate attribution error: Extending Allport's cognitive analysis of prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 5(4), 461-476.

For citation: Grigorev, A.V. & Samchuk D.A. (2024). Characteristics of xenophobic sentiments of Astrakhan city population. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 4(1), 61-69.

DOI: